

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 10-го Августа 1914 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 12208.

КРАСНЫЯ ТѢНИ.

I.

Возвращение въ Россію.

Когда бродишь и мѣняешь города,
словно перчатки,—
— жизнь множится.

Она не укладывается день въ день
ровно, однообразно, аккуратно, словно
книги на библіотечной полкѣ.

Напротивъ,—
— она пестритъ, волнуетъ, тревожить
мысль, удештеряется въ своемъ объемѣ.

Тутъ иная мѣры, иная границы.

И все-таки никогда еще мнѣ не при-
ходилось переживать такихъ исключи-
тельныхъ, яркихъ и совершенно неожи-
данныхъ дней, какъ въ послѣднее время.

Дѣйствительно, каждый часъ множил-
ся и походилъ на недѣлю.

Теперь, когда оглядываешься на эти
дни съ сравнительнымъ спокойствиемъ,
кажется, что протекли мѣсяцы, а между
тѣмъ вся сумма впечатлѣній, пережива-
ній, наблюдений и встрѣчъ развернулась
на протяженіи десяти -двѣнадцати дней.

Нико да еще мое сердце не наполня-
лось такою бѣшеной злобой и нена-
вистью.

Я даже не считалъ себя способнымъ
на нихъ.

Съ другой стороны—

— разгоралось чувство любви, жало-
сти, человѣчности и солидарности.

Такая любовь, которая надолго освѣ-

ВОЙНА.

Король Италии
Викторъ-Эммануиль III,

предсѣдательствовавший въ итальянскомъ со-
вѣтѣ министровъ, постановившемъ не при-
соединяться къ выступленію Австро-Венгрии
и Германіи.

Сэръ Фрэнчъ,
фельдмаршалъ англійской арміи.

щаетъ душу, озаряетъ ее всю, будто
пробѣжалъ серебряный ручей.

И вся эта гамма чувствъ—
— на протяженіи десяти, —двѣнадцати
дней.

Я имѣю въ виду мои послѣдніе дни
въ Парижѣ, затѣмъ путь по Германіи,
уже охваченной пожаромъ слѣпого че-
ловѣконенавистничества, уже звенящей
своей солдатчиной и юнкерствомъ.

Энверъ-паша,
турецкій военный министръ, глава гер-
манофильской партии.

Наконецъ, путь по Россіи.

Послѣ Ковелясь жадностью ловится каж-
дое слово, каждый слухъ, каждое извѣстіе.

Нервное напряженіе вырастаетъ до
послѣдней степени.

И въ такомъ состояніи, съ лихора-
дочно-возбужденными глазами, безъ сна,
въ биткомъ набитомъ, задушенному вагонѣ мы полземъ къ Кіеву подъ чер-

нымъ ночнымъ небомъ, именно полземъ,
потому, что путь нашъ почти удвоился.

Остановки на станціяхъ, вмѣсто пяти
десети минутъ,—
— часъ и два часа.

Такихъ дней никогда не приходилось
переживать.

У всѣхъ были напряжены нервы.
Въ самомъ воздухѣ носилось странное
мучительное волненіе.

Всѣ чего-то ожидали, къ чему-то при-
слушивались.

И когда послѣ Варшавы садилось
солнце, широко разбѣжались по полю
красныя тѣни, окутали пурпуромъ стан-
ціонныя постройки,—

— тревога вырасла, точно принесъ ее
вечеръ.

Уже было ясно для всѣхъ:

— Война.

И это слово перебѣгало съ однихъ
устъ къ другимъ.

Повторялось всѣми.

Сливалось въ какой-то зловѣщій му-
чительный шепотъ:

— Война... Война... Война...

II.

ВЪ ПАРИЖЪ.

Теперь я постараюсь передать по по-
рядку всѣ эти исключительные впечат-
лѣнія.

Отправляясь въ путь, я ожидалъ со-
бытій.

Я уже спѣшилъ.

Принцъ Уэльскій,
вступившій въ ряды дѣйствующей англійской
арміи.

Но я, какъ и другіе, не думалъ, что
они наступятъ такъ скоро.

Одинъ мой знакомый уже на сѣвер-
номъ вокзалѣ въ Парижѣ говорилъ мнѣ
спокойно и увѣренno;

— Это не дѣлается такъ скоро. Сна-
чала мобилизациія въ Россіи, затѣмъ въ
Германіи. Но раньше, чѣмъ черезъ не-
дѣлю, вмѣшательства Германіи ожидать
нельзя.

Война намъ со стороны Германиі,—
— объ этомъ еще не думали здѣсь.
Въ крайнемъ случаѣ допускали:
— Вмѣшательство.

И напротивъ, этой войны ожидала
Франція,

Столица заволновалась уже въ мо-
ментъ предъявленія Сербіи австрійскаго
ультиматума.

Согласіе Сербіи почти со всѣми пунк-
тами этого ультиматума было встрѣчено
съ разочарованіемъ, и, наконецъ, объ-
явление войны Австріей сразу повысило
температуру.

Въ этотъ день я былъ на процессѣ
Кайо въ маленькому старинномъ залѣ
суда, превратившемся въ настоящую ба-
нюю, благодаря обилию публики.

Я записывалъ нѣкоторыя свидѣтель-
скія показанія.

Прислушивался къ вопросамъ Лабори.

Этотъ громадный, четыреугольный
мужчина въ своей черной тогѣ, съ го-
лосомъ, полнымъ увѣренности, иногда
заставляющій вздрогнуть всю залу сво-
имъ окрикомъ,—производилъ впечатлѣ-
ніе льва.

Подсудимая, прижатая въ правый
уголъ, сидѣла утомленная до послѣдней
степени, блѣдная, поникшая; нервно сжа-
ла на колѣньяхъ руки въ длинныхъ чер-
ныхъ перчаткахъ.

Въ это утро, каждый, кто заговорилъ
бы о войнѣ Германиі и Франції, Герма-
ниі и Россіи, былъ бы дружно осмѣянъ.

Но вотъ, мы вышли изъ зала суда.

Мы еще обсуждали даннаго за и про-
тивъ оправданія.

И вдругъ эти крики газетчиковъ.

Нервное оживленіе улицы, которое
такъ особенно чувствуется въ Парижѣ.

— Австрія объявила войну Сербіи!
— Австрія...
— Сербія!...

— Бѣлградъ!..

Эти слова повторялись всѣми.

Варьировались на десятки ладовъ, и
въ первый же моментъ къ нимъ присое-
динилось новое, можетъ быть, самое
важное, самое серьезное:

— Россія!
— Россія не останется молчаливой
свидѣтельницей сербскаго разгрома!

Слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь, въ Па-
рижѣ, въ концѣ концовъ, всѣ были бо-
льше осѣдломыны, болѣе подготовлены
къ событиямъ, чѣмъ въ Россіи.

Изъ рассказовъ многихъ пассажировъ
уже въ Россіи, я убѣдился, что еще
шестнадцатаго и семнадцатаго они спо-
койно сидѣли на своихъ мѣстахъ, тогда
какъ въ Парижѣ уже четырнадцатаго не
вѣрили въ миръ и видѣли въ австрій-
скомъ наступленіи только провокацию по
отношенію къ Россіи.

Уже пятнадцатаго началось бѣгство
русскихъ на родину.

Итакъ—

— Австрія объявила войну.

На углу бульваровъ Монпарнасъ и
Распай находится одно изъ наиболѣе
интересныхъ въ Парижѣ кафѣ а la Ro-
tonde.

Это своеобразный клубъ, гдѣ пьютъ,
знакомятся, спорятъ, горячо обсуждаютъ
события дня, играютъ въ карты, домино,
шахматы,

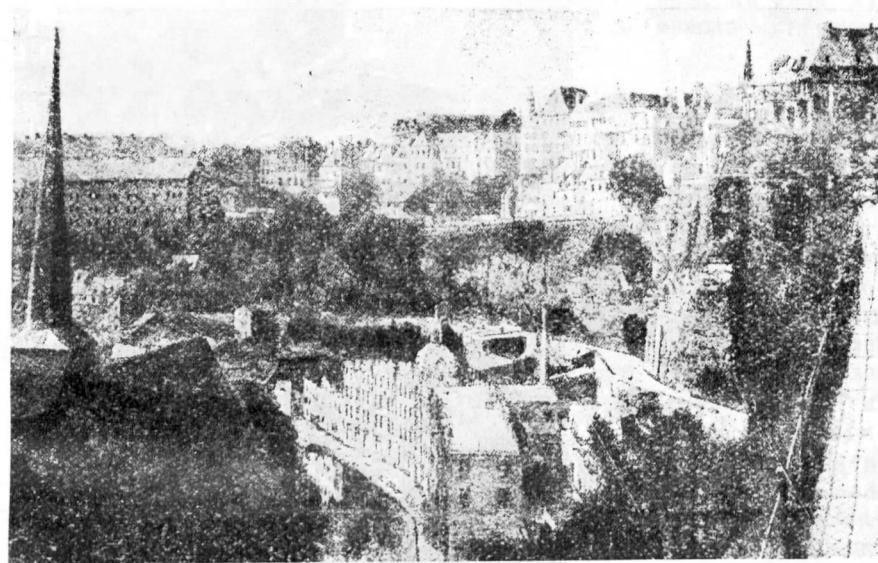
Собираются журналисты, художники
поэты, артисты.

Массы оригинальныхъ лицъ, любопыт-
ныхъ типовъ.

Когда-нибудь я расскажу объ этомъ
подробнѣе, пока же мнѣ хочется отмѣ-
тить какъ быстро забился здѣсь пульсъ.

Великая герцогиня люксембургская
Марія Аделаїда,
унаследовавшая престолъ за прекрас-
неніемъ мужской линіи.

Общий видъ Люксембурга.

Нѣмцы начали кампанію противъ Франціи вступленіемъ на террито-
рію великаго герцогства Люксембургъ и занятіемъ его правительственныехъ учреж-
дений. Захватъ Люксембурга входилъ въ планъ наступленія германской
арміи на французовъ.

Адмиралъ Чарльзъ Мадденъ,
начальникъ штаба главнокомандую-
щаго англійскимъ флотомъ.

Вѣдь, кафѣ—кусочекъ жизни, кусо-
чекъ общества.

Можно утверждать, что Парижъ жи-
веть въ своихъ кафѣ.

Здѣсь дѣлается биржа и политика.
Совершаются торговыя сдѣлки и...

— политическая убийства (Жоресъ).

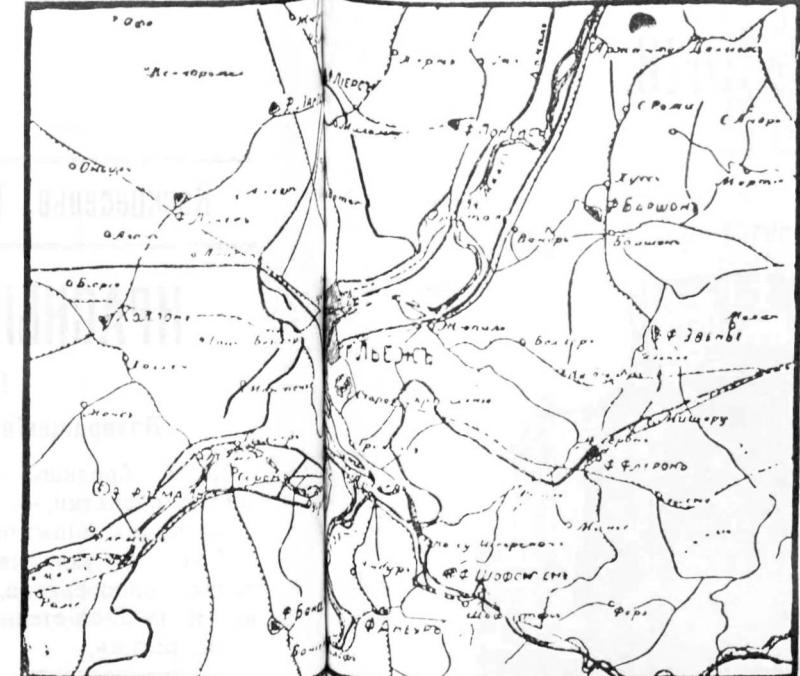
Въ „Ротондѣ“, какъ называютъ это
кафѣ русскіе эмигранты, сразу перемѣ-
нились темы разговоровъ.

Молодежь стала серьезнѣй, сосредото-
ченѣй.

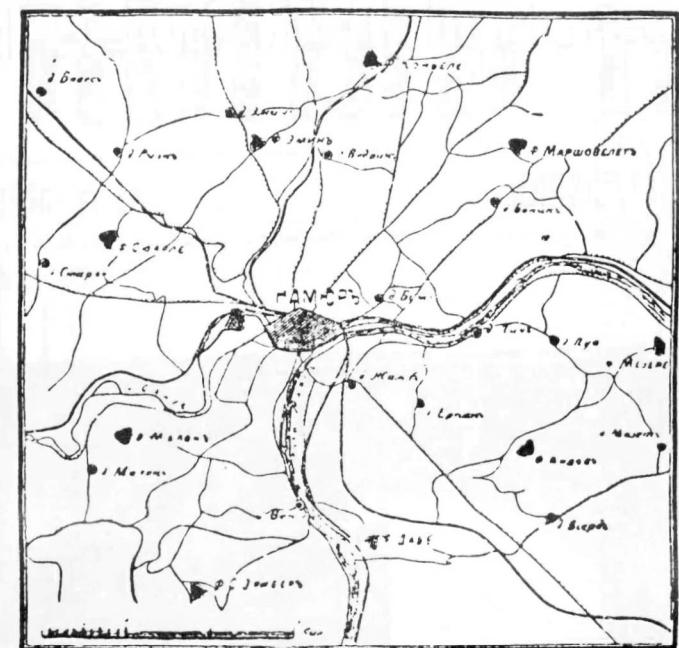
Споры о выставкахъ, о футуристахъ,
кубистахъ, послѣдней книжкѣ Вилли,
смѣнились разговорами о войнѣ.

И характерно—эти разговоры близко
подходили къ грядущимъ событиямъ, по-
тому предугадывали ихъ, предугадывали
и газеты, которая теперь покупались на
расхватъ:

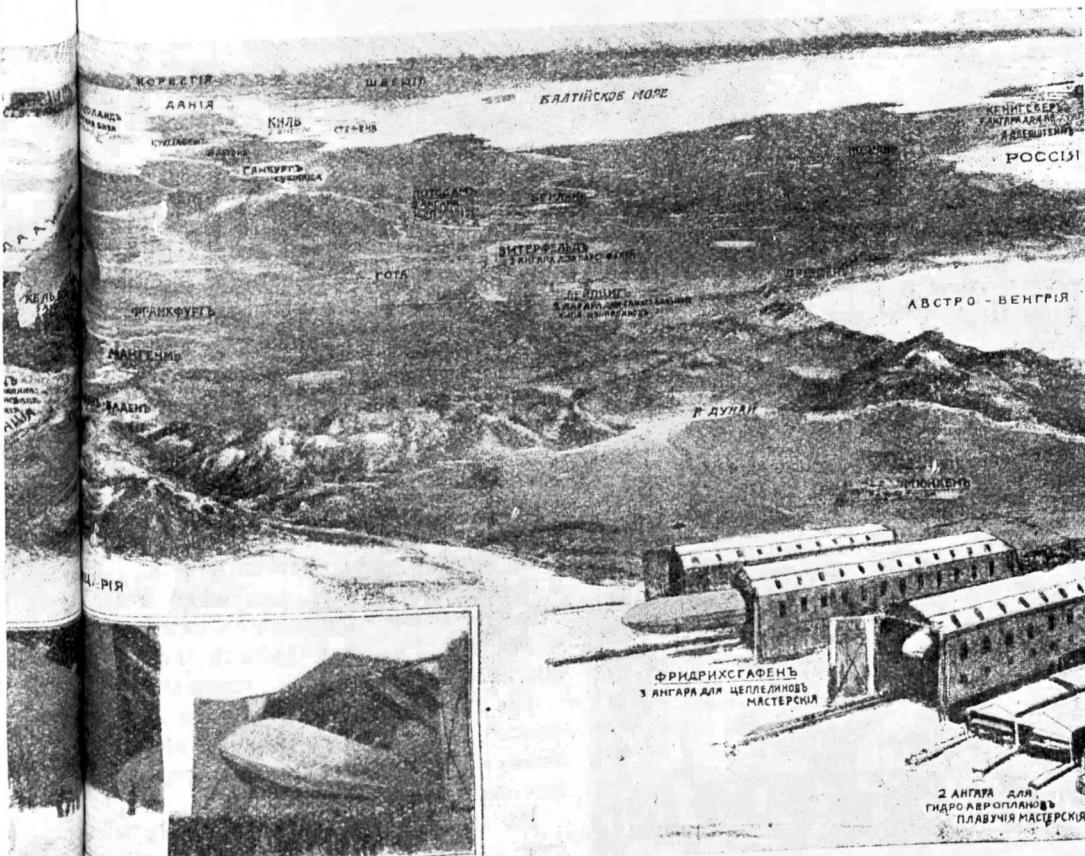
Россія готовится къ мобилизациі.
Германія присоединяется къ Австріи.

Пика и его форты.

Планъ Намюра и его форты.

Общая картина распределенія германскихъ воздухоплавательныхъ станций.

Каждую минуту можетъ вспыхнуть
въевропейскій пожаръ.

Прошлогодня балканскія войны были
своебразными прологомъ.

Такъ говорили, такъ писали.

Определенно высказывались о опасеніи
за судьбу Пуанкарѣ и его броненосцевъ.

Но Пуанкарѣ прибыль. Ему устроили
торжественную встречу.

Парижъ въ этотъ день буквально ли-
ковалъ.

Уже изъ этого ясно, насколько всѣ
ближко чувствовали опасность.

Вечеромъ въ кафѣ-клубѣ появился ре-
дакторъ тулузской газеты (отдѣленіе въ
Парижѣ), одинъ изъ журналистовъ, со-
путствовавшихъ президенту въ его по-
ѣздкѣ.

Съ настоящимъ восторгомъ онъ дѣ-
лился съ нами своими отрывочными впе-
чатлѣніями о Россіи, свѣдѣніями о за-
бастовкѣ и т. д.

Его слова были покрыты дружными
возгласами:

— Да здравствуетъ Франція!
— Да здравствуетъ Россія!

Этотъ вечеръ былъ вечеромъ тревоги
и волнений.

узнать ея настроеніе всѣ устремляются
на больши бульвары,

Такъ было и въ этотъ вечеръ.

Автобусъ „И“ проходящій до самой ре-
дакціи „Matin“, былъ буквально перепол-
ченъ публикой,

Всѣ волновались, оживленно спорили,
почти кричали.

И не ошиблись.

На бульварахъ было свое настроеніе.
Давно уже Итальянский бульваръ не
имѣлъ такого хаотичнаго исключитель-
наго вида.

Манифестація противъ войны.

Залитая яркимъ свѣтъ кафе, сине-
матографовъ и колосальныхъ электриче-
скихъ реклами—по улицѣ и тротуарамъ
неслась громадная толпа, болѣе десяти
тысячъ человѣкъ, преимущественно раб-
очіе.

Крики, возгласы, шумные разговоры и
глухой непрерывный топотъ ногъ,

— Миръ, миръ, миръ!

Дыханіе толпы захватывало, увлекало.
То загоняло въ кафе, то выбрасывало на
улицу и вѣѣ съ оторванными пото-
комъ заносило въ узкий переулокъ.

Примчалась полиція, были вызваны
войска.

Крики и топотъ ногъ усилились.

Стучало въ вискахъ отъ этого взвол-
нованнаго, шумнаго человѣческаго моря!

Началась свалка, которая всегда и вездѣ
носитъ нелѣпый и грубый характеръ.

Были пущены въ ходъ палки и стулья
кафе.

Черезъ полчаса манифестація была раз-
сѣяна, и бульваръ принялъ еще болѣе
необычайный видъ.

Полиція приказала убрать всѣ столики и
стулья въ кафе, и теперь они громозди-
лись другъ на друга, напоминая настоя-
щія баррикады.

Сразу тишина, сразу безлюдье, и въ яр-
комъ свѣтѣ своихъ огней, но совершенно
пустые, бульвары производили какое-то
жуткое, непрѣятное впечатлѣніе.

Я сказалъ бы, что это было „теоретиче-
ская“ манифестація.

Конечно, миръ.

Конечно, война ужасна.

Необходимо принять всѣ мѣры, испро-
бовать всѣ мирные пути прежде, чѣмъ
объявить это слово:

— Война,—

— короткое, какъ ударъ молота и
красное, какъ кровь.

Но если бы манифестанты хотѣли на день
заглянули впередъ, если бы они услыша-
ли хоть намекъ на выступленіе Германіи.
— манифестація мира, мгновенно превра-
тилась бы въ манифестацію войны.

Нѣмецъ, германецъ—уже одного этого
слова достаточно, чтобы французы заку-
сили губы.

Италия связана союзомъ съ Австріей.

Это болѣе, чѣмъ противостоянно.

Это какой то политической суккубъ,
потому, что для итальянца, австріакъ—
синонимъ всего грубаго, лицемѣрного,
поллаго и враждебнаго.

Взглядъ, съ которымъ трудно не согла-
ситься,

Я живѣлъ въ Италии и видѣлъ эту нена-
висть къ австрійцу.

Она сказывалась во всемъ и постоянно.

Въ крупномъ (Тріестъ, Фіумѣ) и просто
въ уличныхъ мелочахъ.

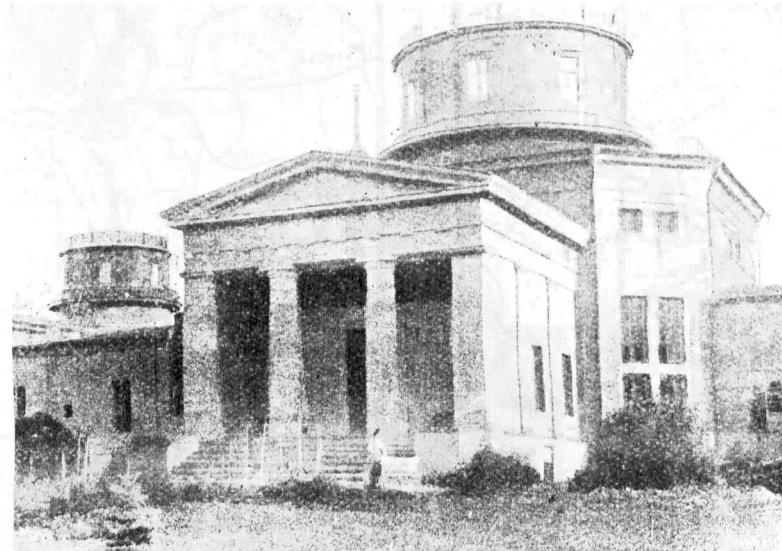
Въ срединѣ мая этого года по рим-
скимъ улицамъ шлялись австрійскіе по-
путники или полуපالومники.

— Полупломы, какъ говорили мнѣ
милые итальянскіе друзья.

75-ЛѢТИЕ НИКОЛАЕВСКОЙ ПУЛКОВСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ.

В. Струве,
первый директоръ обсерваторіи.

Главный входъ пулковской обсерваторіи.

Они явились поцѣловать папскую туфлю, затѣмъ осмотрѣть римскія древности.

И что же?

Римъ, буквально, поворачивался къ нимъ спиной.

Нужны были постоянные и усиленные наряды полиціи, чтобы эти нагломордные полушибоны (одна изъ свободныхъ австрійскихъ профессій) избѣгли уличныхъ избіеній.

Толпа отплевывалась, когда они проходили мимо.

Толпа бойкотировала отели, въ которыхъ они останавливались.

Даже клерикалы, тихіе предатели и подлые наемники всяческихъ Боргезе, начинали коситься въ сторону Ватикана.

Это ненависть,

И все-таки французская ненависть къ нѣмцу ярче, глубже, опредѣленнѣй и безпощаднѣй.

Аристократъ и буржуа, рабочій и чиновникъ, апашъ и проститутка, всѣ безъ различія, сверху до низу, до самого дна, объединены въ этомъ одномъ чувствѣ ненависти.

О чёмъ бы французъ ни говорилъ, онъ всегда сумѣетъ вставить остroe слово по адресу нашихъ сосѣдей по ту сторону Рейна. 1

Мнѣ разсказывали объ одномъ профессорѣ медицинского факультета въ Парижѣ.

Старикъ. Акушеръ. Страстный поклонникъ евгенистической теоріи. Ужъ какъ, кажется, далеко отъ политики.

Но каждый семестръ, начиная лекціи, профессоръ громитъ нѣмеckую медицину и подвергаетъ жестокому осмѣянію нѣмеckую нравственность.

Во французской начальной школѣ

еще мѣлымъ ребятамъ прививается эта ненависть къ нѣмцу.

Вотъ почему уже на второй день послѣ мирной манифестаціи, когда появились въ газетахъ первые тревожные слухи, первые намеки на возможность войны между Франціей и Германіей,—настроение Парижа мигомъ перемѣнилось, всѣми овладѣлъ воинственный духъ, съ минуты на минуту ожидалась мобилизациѣ, и повсюду можно было слышать разговоры—кого взять, кто долженъ оставаться и т. д.

Все заволновалось, зашумѣло, все было охвачено воодушевленіемъ.

Мы русскіе на чужбинѣ почти всегда чувствуемъ себя одинокими.

Мы плохо сливаемся, плохо приспособляемся, Несомнѣнно, виной этому наша русская слишкомъ отличная индивидуальность,

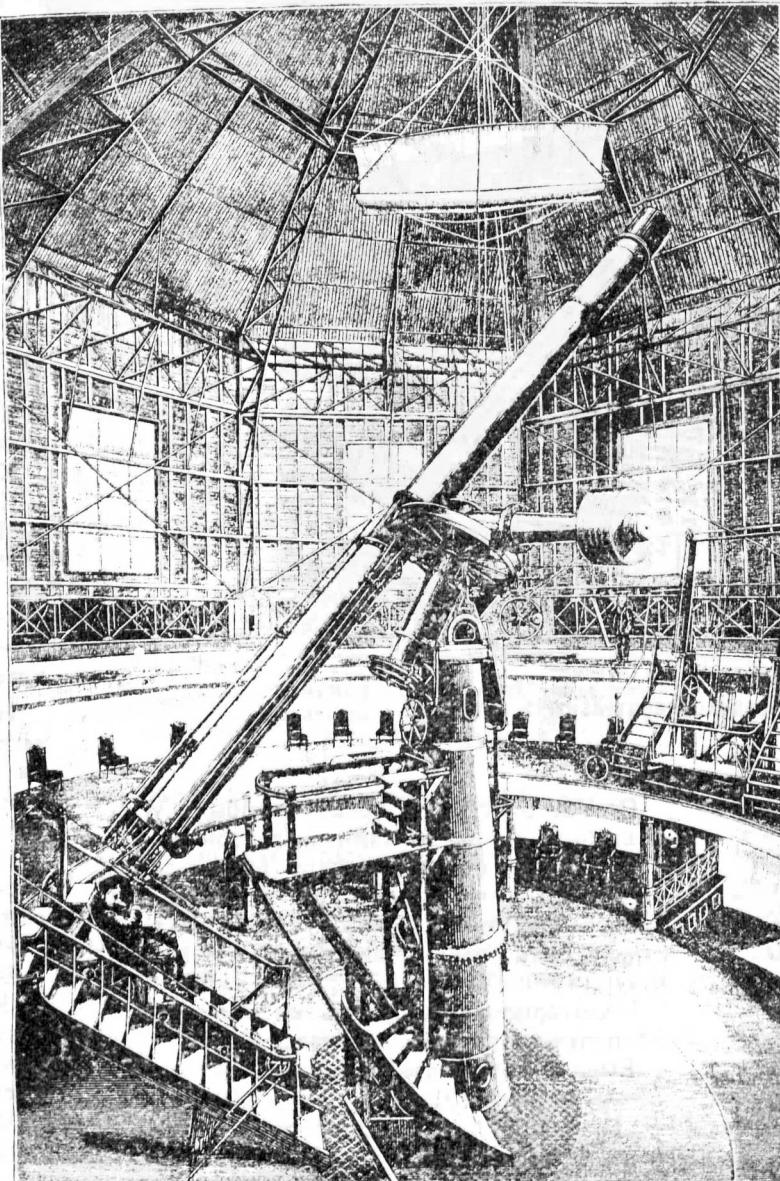
Но въ этотъ вечеръ въ Парижѣ, уже охваченномъ предчувствіемъ военной грозы, я, можетъ быть, впервые заграницей, чувствовалъ себя какъ дома.

Все стало болѣе привѣтливымъ, дружнымъ, человѣчнымъ.

Повсюду пѣніе марсельезы. Привѣтственные клики Франціи и Россіи; и никогда еще мы, русскіе, не чувствовали себя такъ въ одной семье, какъ въ этотъ тревожный парижскій день.

На другой день послѣ спѣшныхъ сборовъ я покинулъ Парижъ, уже почти не надѣясь „проскочить“ черезъ Германію.

Ал. Станкевичъ.

30-дюймовый рефракторъ обсерваторіи.

